

## ОШИБКИ НА РАБОТЕ

Э. Ч. Хьюз

В очерке Эверетта Ч. Хьюза «Ошибки в работе» (1951) ошибки и неудачи в работе рассматриваются как неизбежный компонент любых родов занятий и профессий, сказывающийся на их функционировании в широком социальном контексте. Рассматривая эту тему в свете сравнительного изучения занятий, автор показывает, что разделение труда включает в себе делегирование ошибок и рисков обывателями профессионалам и специалистам. Это делегирование позволяет обывателям сохранять чувство уверенности в ситуациях, с которыми они не могут справиться самостоятельно. В разных родах занятий, в свою очередь, используются разные стратегии оберегания себя от обвинений в ошибках и от самого их распознавания; Хьюз рассматривает три такие стратегии, определяемые им как «искусство», «культ» и «ритуал».

*Ключевые слова:* занятия, ошибки в работе, риски и их делегирование, искусство, культ и ритуал в занятиях и профессиях

Исследователь, занятый сравнительным изучением человеческой работы, узнает о врачах, изучая водопроводчиков, а о проститутках — изучая психиатров. Это не означает наличия между членами этих пар степени сходства, большей, чем вероятностное ожидание (*chance expectation*), но лишь указывает на то, что исследователь исходит из допущения, что все виды работы принадлежат к одному и тому же ряду, независимо от их мест в престижных или этических рейтингах. Но для того, чтобы что-то узнать, нужно найти некоторую рамку соотнесения, применимую ко всем случаям вне зависимости от таких рейтингов. С этой целью мы ищем в человеческой работе общие темы. Одна из таких тем — рутина и чрезвычайные обстоятельства. Под этим я имею в виду то, что рабочая рутина одного

---

Впервые опубликовано: Hughes E.C. Mistakes at Work // The Canadian Journal of Economics and Political Science. 1951. Vol. XVII. P. 320–327.

человека складывается из чрезвычайных обстоятельств других людей. В этом отношении пары занятий, названные выше, имеют, пожалуй, некоторые весьма тесные сходства. Врач и водопроводчик практикуют эзотерические техники на благо людей, попавших в беду. Психиатр и проститутка должны заботиться о том, чтобы не вступать в слишком личные отношения с клиентами, приходящими к ним с довольно деликатными проблемами. На мой взгляд, в изучении работы, как и в изучении других человеческих деятельности и институтов, прогресс будет соразмерен тому, насколько нам удастся вовлечь в поле зрения широкий спектр относящихся к делу случаев. И чем шире этот спектр, тем больше мы нуждаемся в фундаментальной рамке соотнесения.

Другая тема, содержащаяся в человеческой работе, — проблема ошибок и неудач. Она тоже обнаруживается во всех занятиях. Чем больше раз в день человек проделявает некоторую данную операцию, тем больше у него шансов делать ее иногда неправильно. Правда, он может достичь такого мастерства, что процент ошибок будет близок к нулю. В медицинской профессии сплошь и рядом говорят, что некоторые хирургические операции на самом деле вообще не должны выполняться, кроме как *in extremis*, людьми, у которых нет возможности делать их буквально по несколько сотен в год. В одной большой, весьма уважаемой больнице интерны и ординаторы, находящиеся там, чтобы учиться на практике, жалуются на то, что ведущие члены хирургического персонала забирают себе все интересные случаи, но не просто из милосердия, а для того, чтобы довести свой уровень мастерства до точки наименьшего риска для тех немногих пациентов, которые могут заплатить по-настоящему высокий гонорар. Это уменьшает для интернов и ординаторов возможности овладения мастерством. Можно говорить о расчете вероятности совершения ошибок, в котором переменными будут мастерство и частота выполнения. Очевидно, что существует много возможностей. Тот, кто никогда не выполняет данное действие, никогда не будет делать его неправильно. Но тот, кто никогда не пытался его выполнить, не смог бы выполнить его правильно, если бы обстоятельства заставили его попытаться его выполнить. В таком положении находится обыватель по отношению ко многим умениям. Для освоения и сохранения некоторых умений требуется более частое повторение, чем для других. В некоторых даже самые опытные допускают много промахов; в других верхний уровень мастерства близок к совершенству. Занятия, рассматриваемые как связки навыков, подчинены контингенциям, содержащимся во всех комбинациях этих факторов овладения мастерством и его сохранения, и, соответственно, разным вероятностям того, что человек будет иногда совершать ошибки. Экспериментальные психологи и психологи профессий проявляют к этим вопросам большой интерес, и в этом направлении ведется большая работа.

Но в проблеме ошибок и неудач есть и другие факторы. Некоторые ошибки более судьбоносны, чем другие, либо для человека, который их делает, либо для его коллег, либо для людей, по отношению к которым эти ошибки совершены. Те, кто готовит студентов к проведению исследований, требующих получения признаний живых людей и достижения и сохранения вхожести в разного рода группы и институты, сознают эту проблему. (В настоящее время мы работаем над проектом, задача которого — выяснить, как готовить студентов, чтобы их высокий уровень мастерства в социальном наблюдении сочетался с наименьшим риском причинения ущерба всем затронутым сторонам.) В таких занятиях, где ошибки фатальны и где для освоения навыков необходимы репетиции на живом или ценном материале, очевидно наличие особого набора проблем, связанных с ученичеством и с доступом к ситуациям, в которых может проходить обучение. Позднее, когда неофит оказывается на работе, у него возникает проблема постоянного поддержания видимости того, что он всему уже научился, поскольку сам вид человека, который явно еще только учится, производит в этой ситуации пугающее впечатление. Во всяком случае, есть психологические, физические, социальные и экономические риски в обучении такой работе и ее делании. А поскольку теоретическая вероятность совершения ошибки день ото дня возрастает в силу самой частоты операций, которыми человек зарабатывает себе на жизнь, то становится естественным выстраивание рациональных оправданий, призванных поддержать его в случае ее совершения. Следует также ожидать, что люди, подверженные одинаковым рабочим рискам, сочинят коллективное рациональное оправдание, которое будут нашептывать друг другу для поддержания собственного мужества, и выстроят коллективные способы защиты от обывательского мира. Эти рациональные оправдания и способы защиты содержат в себе логику, в чем-то похожую на логику страхования, так как имеют тенденцию распределять риск психологически (через слова, что это с каждым может случиться), морально и финансово. Изучение подобных механизмов распределения риска — существенная часть сравнительного изучения занятий. Аналог их можно найти в механизмах, посредством которых индивиду удастся переложить какую-то часть чувства вины со своих плеч на плечи более широкой компании своих коллег. Возможно, это и есть основа сильной идентификации с коллегами в работах, где ошибки фатальны и где даже долгое обучение и чувство высокого призвания не могут предотвратить промахов.

Давайте теперь подойдем к этой теме со стороны лица, которое, получая услуги, будет страдать от ошибок, когда они делаются. В каком-то смысле мы и впрямь нанимаем людей для того, чтобы они совершали за нас наши ошибки. Разделение труда в обществе является не только техническим, как часто предполагают, но также психологическим

и моральным. Мы делегируем некоторые вещи другим людям не просто потому, что сами не можем их делать, но и потому, что не желаем брать на себя риск ошибки. Вина в случае неудачи была бы для нас слишком тяжелой. Одна из причин, по которым врачи работают для семей друг друга бесплатно, возможно, состоит в том, чтобы оставаться полностью свободными от экономической необходимости лечить людей, с которыми они столь тесно связаны, что ошибки, коль скоро они бы случились, было бы слишком трудно принять.

Иногда человеку требуется уверенность, которой можно обладать, только находясь в строго обывательской рамке сознания (*frame of mind*). Вера в харизму мастерства — установка скорее обывательская, чем профессиональная. Профессиональная установка по сути своей статистична; она замешана на вероятностях. Между тем существуют вещи, о коих мы предпочитаем мыслить в абсолютных категориях. Имея дело с такими вещами, мы делегируем относительный способ мышления другому, и он тем самым становится нашим агентом. Мы перекладываем свои риски на него, а он рискует за нас. Нам нравится считать его наделенным харизмой. Рей Голд, изучавший некоторые из занятий, связанных со строительством и обслуживанием домов, выяснил, что домохозяйке приятно думать, что водопроводчик, которого она вызывает, идеален, а не просто *относительно* хорош. Ведь он поддерживает в исправном состоянии таинственные недра ее драгоценного дома. Но насколько же больше человеку нужна абсолютная вера в своего дантиста, адвоката, врача и священника! (В делегировании задач имеются, конечно, и другие нетехнические факторы. Какие-то работы оказываются *infra dignitate*. Другие нужны, но подозрительны или даже запретны для человека в силу его особых табу и отвращений.)

Это не значит, что человек, делегировавший работу и, следовательно, риск, будет спокойно глотать ошибки, совершаемые в отношении него, его семьи или его имущества. Он скор на обвинения; и если в этом отношении люди таковы, каковы они, по словам психиатров, в других, то чем решительнее они бегут от ответственности, тем скорее они обвиняют в совершении реальных или предполагаемых ошибок других людей.

В сущности, предполагаю, все мы немножко сомневаемся в объективности тех, кому делегируем наиболее судьбоносные из наших проблем. Мы подозреваем их в том самом экспериментальном духе, который, как мы знаем, в какой-то степени необходим для дерзновенного и прогрессивного мастерства в преодолении наших кризисов. Таким образом, вероятно, всегда есть некоторая двойственность в наших чувствах по отношению к тем, кого мы нанимаем для совершения наших ошибок, или, по крайней мере, для того, чтобы они взвалили на себя риск их совершения. В антропологической, социологической и психологиче-

ской литературе мало что можно найти по проблеме или связке проблем, заключенной в делегировании работы и рисков другим. Для каждого изучаемого занятия, на мой взгляд, надо пытаться определить, что именно делегируется лицам в этом занятии и какие установки и чувства возникают при таком делегировании с обеих сторон.

Итак, перед нами проблема и персонажи. Персонажами являются люди, которые, делая что-то часто и для других, берут на себя риск совершения ошибок и причинения вреда, и те другие люди, которые по техническим, экономическим, психологическим, моральным или статусным причинам делегируют им некоторые свои задачи и проблемы и, следовательно, могут получить ошибки, сделанные в отношении них и за их счет. На самом деле это не два вида людей, а одни и те же люди в разных ролях. Соединение этих двух ролей — часть личного приспособления каждого, кто работает. Проблема состоит в уменьшении и погашении риска неудачи с обеих сторон, а также конфликтов внутри и между лицами, возникающих из риска ошибки, промаха и неудачи.

Едва углубившись в эти проблемы, мы тут же сталкиваемся с другой: проблемой определения того, что такое неудача или ошибка в некотором данном роде работы или в некоторой данной трудовой операции. А вслед за ней возникает еще одна, оказывающаяся значимой для социальной драмы работы: кто имеет право говорить, что является ошибкой или неудачей? Открытия, полученные на этот счет, ясно свидетельствуют: коллегиальная группа (люди, считающие себя подверженными одним и тем же трудовым рискам) будет упорно отстаивать свое право определять ошибки и говорить в каждом конкретном случае, была ли ошибка сделана <sup>1</sup>. Говард С. Беккер обнаружил, что профессиональные джазовые музыканты скорее сами себя отругают, нежели позволят какому-то обывателю, даже оплачивающему их труд, сказать, что музыкант играет плохо или даже что он взял неверную ноту. Достаточно руководителю оркестра просто передать жалобу обывателя участнику своего бэнда, и о нем будут думать, что он уже на пути к тому, чтобы стать «профаном», одним из тех аутсайдеров, которые ни черта не смыслят в джазовой музыке. Здесь могут возразить, что джазовой музыке настолько недостает каких-либо канонов правильности, что такой вещи, как отдельная фальшивая нота, в общем шуме просто не существует. Все это вопрос индивидуального мнения. Нет ясного и объективного стандарта, который бы позволял об этом судить.

<sup>1</sup> Коллегиальной группе не во всех случаях удастся захватить и сохранить за собой это право. Возможно, ее члены не всегда желают быть полностью ответственными за обвинение друг друга в совершении ошибки и за применение санкций. Правильнее сказать, что своего рода юриспруденция ошибок — существенная часть изучения любого занятия. Профессор Норман Уорд предположил, что пролить свет на заключенные здесь процессы могло бы изучение официальной *ошибки* в бейсболе.

Но насколько он ясен в других видах работы? Когда начинаешь сравнивать занятия в этом отношении, выясняется, что в большинстве их очень трудно установить критерии успеха и неудачи, ошибок и правильного исполнения работы. Случаев, в которых между всеми участниками трудовой драмы было бы в этом согласие, по правде говоря, немного. На заводах, изготавливающих точные детали, критериями являются четко измеряемые допустимые отклонения от стандарта, но обычно существуют неофициально принятый набор допустимых отклонений, которые могут соблюдаться не так строго, как в книге. Между рабочими и сотрудниками отдела технического контроля постоянно возникают разногласия по поводу этого различия, даже когда сами рабочие заинтересованы в том, чтобы сделанные ими детали работали. Это пример самого ясного критерия. В медицине критерии успеха и неудачи часто далеки от ясности. Доктор Бруно Беттельхейм заявил недавно, что психотерапевты не обсуждают совместно свои успехи и неудачи, так как нет стандартов, на которые можно было бы опереться; именно поэтому, сказал он, они тратят так много времени на обсуждение того, верны или нет их исторические реконструкции проблем их пациентов. Здоровье, в конце концов, состояние относительное. Большинство людей заинтересовано в том, чтобы заставить старое тело функционировать как можно дольше; это превращает медицину в нечто в корне отличное от автомобильной отрасли (где работник гаража облегчает себе работу, уверяя вас в том, что ваш старый автомобиль не стоит больше ремонтировать).

Даже там, где стандарты могут быть немного яснее, чем в медицине и образовании, люди, которые работают, и люди, которые получают продукт их работы в виде благ или услуг, будут обладать совершенно разными степенями и видами знания о заключенных здесь вероятностях и контингенциях. Коллегиальная группа будет считать, что только она в полной мере понимает технические контингенции и что, следовательно, ей должно быть предоставлено исключительное право говорить, когда произошла ошибка. Неспециалист, могут утверждать они, даже в лучшем случае не может понять контингенции до конца. Эта установка может перерасти в полное молчание относительно ошибок, совершаемых членом коллегиальной группы, так как само обсуждение этого перед широкой аудиторией может предполагать право обывателя выносить суждение; а именно это *право* выносить суждение и охраняется ревностнее всего.

В некоторых занятиях предполагается, что каждый, находясь внутри занятия, будет узнавать по малейшим жестам коллег, когда они считают, что совершена ошибка. Полное членство в коллегиальной группе не достигается, пока не узнаны эти жесты и их смысл. Когда они узнаются, нет нужды в сознательном и открытом обсуждении некоторых ошибок даже внутри коллегиальной группы. А когда какой-нибудь инцидент делает

предполагаемую неудачу или ошибку темой публичной дискуссии, возможно, именно ощущение того, что аутсайдеры никогда не поймут всего контекста риска и случайности, заставляет коллег так упрямо держать рот на замке. Если дело дошло до того, что ошибки и неудачи не обсуждаются свободно даже в пределах скрепленной доверием внутренней группы, публичное обсуждение может стать для нее вдвойне пугающим; ведь внешний инквизитор не только ставит под сомнение прерогативу внутренней группы выносить суждение, но еще и срывает покров тайны со скрытых тревог этой группы — с вещей, о которых коллеги не говорят даже между собой. Это может быть источником довольно нервного поведения школьных учителей, когда мои коллеги и я сообщаем им — по их собственной просьбе — некоторые вещи, которые мы о них узнаем.

Одно из различий между профанным и профессиональным мышлением об ошибках состоит в том, что для обывателя техника занятия должна быть чистым инструментом, всего лишь средством для достижения цели, в то время как для людей, его практикующих, каждое занятие становится искусством. Дэвид Рисмен [Riesman, 1951. Р. 121–135], бывший некогда клерком у судьи Брандейса и помощником в офисе нью-йоркского окружного прокурора, рассказывает об изумительных кратких изложениях дел, которые молодые юристы составляют для судей низших инстанций, едва ли способных их прочесть, не говоря уже о том, чтобы судить по тому праву, которое в них содержится. Применяются ритуал просматривания всех прошлых дел и искусство продумывания всех возможностей, даже если юрист знает, что решение будет вынесено на гораздо более простом — и, возможно, более надежном — основании. Более того, к этому ритуалу и искусству относятся с уважением, а людьми, которые демонстрируют в них блеск и изящество, восхищаются. На простого клиента это может действовать ошеломляюще, но в какой-то момент у него закрадывается мысль, что целая гильдия юристов, включая его адвоката, адвоката оппонента и судей, попросту его морочит. В каком-то смысле искусство и культ права поддерживаются за его счет. Профессиональные юристы в некоторой мере верят в культ права. Частное дело мыслится не просто как то, по чему необходимо вынести решение, а как часть потока соблюдения культа права.

И здесь мы приходим к более глубокому пониманию замечания д-ра Беттельхейма относительно его коллег, психотерапевтов. Частью их искусства является реконструкция истории болезни пациента. Она может иметь инструментальную ценность, но ценность, которой она наполняется для практиков, иного рода. Возможно, именно в силу высокой неопределенности стандартов лечения психотерапевты явно находят утешение в том, что сведущи в искусстве такой реконструкции (и этому, несомненно, сопутствует вера в то, что эта искусность когда-нибудь да пойдет пациентам на пользу).

Еще один пример этих способов мышления мы находим в социальной работе. Говорят, в этой профессии проводят различие между успешным и профессиональным подходом к делу. Обыватель думает, что успех — это когда человек снова встает на ноги, выходит из затруднительного положения. Социальной работнице приходится думать о правильной процедуре, о законе, о прецеденте, о конкретном случае как о чем-то таком, после чего остаются записи. Кроме того, она ценит искусное собеседование, может даже посмеяться над каким-нибудь случаем, с которым ловко обошлись, и на этом закончить, хотя человеку так и не стало от этого «хорошо» (что бы ни имелось под этим в виду в социальной работе).

В преподавании, где цели определены очень смутно, а следовательно, столь же смутно определены и ошибки и где обывательский мир скор на критику и обвинения, правильный подход к делу становится ритуалом в не меньшей или даже большей степени, чем искусством. Если учителю удастся доказать, что он следовал заведенному ритуалу, то обвинение переносится с него на нерадивого ученика или студента; неудача возможна, но при этом возлагается на них.

Ритуал также интенсивно развит в занятиях, связанных с большими неизбежными рисками, например, в медицине. В таких занятиях ритуал может быть сильнее выражен во вторых и третьих эшелонах институтов, в которых делается работа. Так, в медицине врач, стоящий на вершине иерархии, берет на себя огромные и окончательные риски решения и действия. Эти риски передаются ему, и он, принимая их, получает моральную и правовую защиту. В то же время фармацевт, отмеряющий прописанные дозы лекарств, и медсестра, проводящая назначенное лечение, являются в медицине великими блюстителями ритуала. О фармацевтах говорят, что они часто становятся ритуалистическими чистильщиками и полировщиками, до бесконечности оттирающими мелкие пылинки с весов, дабы взвесить два фунта парижской зелени. Ритуалистический педантизм медсестер и фармацевтов есть своего рода встроенный амортизатор, страхующий от возможных ошибок врача. В самом деле, драматизируя свою работу, эти второразрядные профессии открыто претендуют на роль спасителей пациента и врача от ошибок последнего. И здесь мы вновь видим намек на то, какой может быть более глубокая функция искусства, культа и ритуала в различных занятиях. Они могут давать комплекс эмоциональных и даже организационных сдержек и противовесов, оберегающих от субъективных и объективных рисков профессии.

Подозреваю, — трудно найти занятие, где практики не разрабатывали бы никаких критериев хорошей работы и никаких стандартов для определения ошибки или неудачи, кроме просто определяемого успешного завершения некоторого дела или задачи. Обычно профес-



сиональное суждение будет содержать эксплицитные или имплицитные отсылки к искусству, культу и ритуалу. Функция искусства, культа и ритуала состоит не столько в том, чтобы довести какое-то индивидуальное дело до возможно более раннего успешного завершения, сколько в том, чтобы связать его с самым непрекращающимся занятием и с социальной системой, в которой работа делается. В большинстве занятий коллеги могут осуждать человека как совершенно неправого за действие, которое обыватель-клиент мог бы счесть по-настоящему успешным. Шарлатан, если определять его функционально, а не в оценочных терминах, — это тот, кто продолжает в течение долгого времени нравиться своим клиентам, но не коллегам. И наоборот, человек может рассматриваться коллегами как выполнивший работу должным образом и без ошибок, даже если клиент обвиняет его в промахе, ошибке или неудаче.

В моих замечаниях фигурировали два понятия, чрезвычайно важных для изучения универсальной драмы работы. Одно — понятие роли (role); другое — понятие социальной системы. Если спросить человека, какова его работа, он может ответить двумя способами. Он может сказать, *что* он делает: я делаю кровати, я пломбирую зубы. Либо он может сказать, *кто* он такой: я человек, делающий то-то и то-то. В последнем случае он называет свою роль. Значительная часть дела защиты собственного Я от рисков своих трудовых ошибок кроется в определении роли; и в ряде занятий одним из вознаграждений для человека является такое определение его роли, которое показывает, что он помогает защитить людей от ошибок других. Между тем роли предполагают систему социальных упорядочений. Почти вся работа делается в таких системах. Функция этих систем состоит отчасти в делегировании, рассеивании или, в каких-то случаях, концентрации риска и виновности в ошибках; также она состоит в рассеивании и аллокации потерь, которые из этих ошибок проистекают. Подробности всего этого лучше отложить в сторону, пока они не будут изучены более основательно.

Этот образец социологического анализа побуждает нас высказать ряд соображений касательно академического разделения труда по отношению к теме человеческой работы. В исторически сложившемся конвенциональном разделении академического труда работа относилась к ведению экономистов, подобно тому, как избиратели и короли доставались политическому ученому, а развлечения и порок — социологу. Историк занимался всем, что было записано на бумаге или на другом материале достаточно давно, чтобы автор, его персонажи и родственники первого и вторых были уже так давно мертвы, что никто не стал бы заводить судебное разбирательство в защиту чести и достоинства. Конечно, лучше было, чтобы над ними висела опасность забвения, ведь слава историка зависела от нового открытия их имен. Между тем его мандат

позволял ему говорить все о своих персонажах: об их работе, их политике и их выходах. Антрополог ездил по всему миру в одиночные экспедиции, открывая людей, которые сами не писали и о которых до сих пор не писали. Поскольку в поле он был один, а его репутация зависела от того, что он был там первым, он обращал взор на все: от текстуры волос и формы большеберцовой кости до религии, искусства, родства, преступности и даже техники и организации работы и распределении продуктов труда.

Разделение академического труда, как и другие человеческие упорядочения, есть результат настолько же социальных движений, насколько и логики. Некоторыми лицами внутри или на периферии академической жизни овладевает время от времени новое увлечение. Они хватаются за него, а их последователи его выхаживают. Третье поколение выделяет из него чистую эссенцию, получающую название социальной науки; при этом они обычно никому не раскрывают состав первоначальной браги, из которой был получен их дистиллят. Так, чистая сущность экономического рассуждения была абстрагирована из увлечения всем тем, что связано с материальным и моральным благосостоянием человека; это можно увидеть в *«Богатстве народов»* Адама Смита. Поскольку количества, которые должны были появиться на месте букв в экономических уравнениях — если какой-нибудь нечистый экономист осуществлял такую замену, — включали цену труда, используемого для изготовления и распределения благ, производимых в достаточных количествах, чтобы подпадать под формулы, то работа совершенно естественно должна была стать одной из забот экономиста. И в самом деле, было естественно, что интересы экономистов должны распространиться на все, что может сказываться на цене и предложении труда: миграцию, рождаемость, религию и философию, законы, профессиональные союзы, политику и даже умственные и физические способности, давшие основание психологам заявить о своем праве быть пущенными на предприятие. Экономистов интересовали также те развлечения, отвлекавшие от труда, которыми позже озаботились социологи, но относительно которых еще Даниель Дефо, никогда не слыхавший о социологии, высказался в *«Прирожденном англичанине»*:

Двойной оплате вопреки, рабочий люд  
Являет праздность, нищету и блуд,  
Готов, чуть что, роптать и бунтовать,  
Умеет вмиг все деньги промотать  
И столь бездумно прожигает время,  
Что взор в грядущее слывет за преступленье.  
В совместном пьянстве жизнь его проходит.  
Что за день нажито — за ночь одну уходит.

[The lab'ring poor, in spight of double pay  
Are sawcy, mutinous and beggarly  
So lavish of their money and their time  
That want of forecast is the nation's crime  
Good drunken company is their delight  
And what they get by day, they spend by night.]

Хотя занятием (occupation) экономиста является экономическое рассуждение во все более изощренных формулах, человеческая работа остается одной из тех вещей, которые его занимали *изначально* (*pre-occupations*). И это иллюстрирует судьбу каждой из отраслей социальной науки: хотя она рафинирует и очищает свое теоретическое ядро, свою логику, она так никогда и не может избавиться от человеческой грязи. Повалывшись в ней, всякий пурист обнаруживает себя в компании других, которые, хотя и пытаются создать иной чистый продукт логики, должны извлечь его из той же самой грязи. В наши дни, когда возобладал дух сотрудничества между социальными дисциплинами, нам было бы полезно понять социальные движения, из которых возникли различные социальные науки, а также последующее развитие в каждой науке не только центральной и отличительной для нее логики, но и обширной периферии, или ореола, предзанятости институтами и событиями. На мой взгляд, упреки в нарушении академических границ вызываются вторжением в уже занятую область событий и институтов, а не заимствованием ее фундаментальной логики. Так, социолог должен держаться подальше от промышленных предприятий, ибо первым туда пришел экономист. Экономист должен держаться подальше от семьи. И не должно быть так, чтобы кого-то из них застали в психиатрической больнице, вотчине психиатров.

Но в той степени, в какой в академическом разделении труда присутствует логика, представители каждой дисциплины будут в конечном счете изучать не просто некоторый отдельный институт, а любые события, поддающиеся действенному анализу с помощью их особой логики. Экономика перестанет быть, если когда-то и была, просто наукой о рынках; антропология — только о примитивных народах; педагогика — только о том, что происходит в учебных заведениях; а социология — только о семьях, церквях, игровых площадках, ночлежках и тюрьмах.

Человеческая работа, в том числе и институты, в которых люди зарабатывают себе на жизнь, стала одним из оживленных фронтиров, на которых встречаются социальные ученые. Не углубляясь в этот момент, сошлюсь на работу В.У. Блейдена, в которой дается острый анализ того, что происходит на этом фронтире среди экономистов, антропологов и социологов [Bladen, 1948]. Я утверждаю, что во всех человеческих обществах работа является объектом моральных правил, социального

контроля в самом широком смысле слова, а все процессы, заключенные в определении и проведении в жизнь моральных правил, как раз и образуют ключевые проблемы социологии.

### **Список литературы**

*Bladen V. W.* Economics and Human Relations // The Canadian Journal of Economics and Political Science. Vol. 14. 1948. August. P. 301–311.

*Riesman D.* Toward an Anthropological Science of Law and the Legal Profession // The American Journal of Sociology. Vol. LVII. 1951. September. P. 121–135.

---

Эверетт Черрингтон Хьюз  
 (30.11.1897 – 04.01.1983, Кембридж, шт. Массачусетс)  
 американский социолог  
 1927–1938 – преподавал в ун-те Макгилла в Монреале,  
 1938–1961 – работал в Чикагском ун-те,  
 1952–1960 – редактор «American journal of sociology»,  
 с 1961 – преподавал в ун-те Брандейса  
 и Бостонском колледже (Массачусетс),  
 1962–1963 – президент Американской социологической ассоциации  
 (Пер. с англ. В.Г. Николаева)

---